

Ярослав Сильный

Давно это было, так давно, что и представить трудно. На месте, где сливаются две полноводные реки Ока и Орлик, не было ещё, городов, а стояли леса такие дремучие, что звери в них ходили свободно и чувствовали себя хозяевами и волки, и медведи, и лоси, и кабаны. И пришли сюда из дальних краёв, где леса были не такими дремучими, а реки не такими чистыми, древние люди - вятичи.

А самым главным у них, предводителем рода, был Вятко. Он был мудрый и храбрый. Его в этом племени все слушались и выполняли все его наказы. Скажет он кому: "Бросься в воду!" - соплеменник тут же в любой омут нырнёт. А прикажет в огонь - и туда и стар и млад последует. И куда он поведёт, все, как один, должны были идти за ним. Такое послушание было очень важно, чтобы в непроходимых лесах не потерялся ни один человек, чтобы все действовали дружно и слаженно, умели бы и жильё сделать из брёвен и сучьев, и себя от зверей и врагов непрошенных оборонить. И даже звали пришлых людей по имени их вождя Вятки вятичами.

Стали они на новом месте леса рубить, избы: себе устраивать.

А когда умер вождь и справили по нему поминальный пир-тризну, не смогли вятичи найти себе такого крепкого вождя. Вместе пытались все дела творить, да не всегда путное из того получалось. Случись что - или нападение зверя, или гибель человека, вину легко было на другого свалить, что это он плохо обдумал и присоветовал.

И был среди видных людей вятичей Болеслав. Хотел он, чтобы вятичи его больше других слушались. Только не было у него такой мудрости, как у Вятко, а было желание добычи на охоте себе побольше забрать, лучшее место для жилья выбрать. Хотелось ему и сына своего Радмила на лучшей невесте женить. Тогда себе жён вятичи воровали у родителей, а потом им выкуп приносили, как бы покупали себе жену, и деньги давали за то, что мать и отец невесту пестовали, кормили и растили. Особенно дорогой выкуп давали за красивых невест, притаскивали из леса шкуры зверей, деревянные украшения, избы новые ставили. А в то время у вятичей самой красивой была Лада. Глаза у неё были синие, как ясное небо, розовым светом играли щёки, а белокурая коса была до самых пяток.

И так получилось, что Ладу захотели украсть два молодца - Радмил, сын предводителя рода Болеслава, и Ярослав, сын другого вятича, убогого Свирки, которого медведь на охоте хорошенько помял. Как покалечил Свирку медведь, так не мог он больше ходить на охоту и пропитание его малые дети сами себе добывали. Собирали коренья, грибы-ягоды, ловили птиц, мелких зверушек. Ярослав с раннего детства научился быстро бегать, хорошо стрелять из лука. Иначе его семья могла бы просто погибнуть. А когда юноша возмужал, он наравне со взрослыми начал ходить на медведя. Стал он как бы главным в своей семье, не хозяин, но кормилец. Наступила пора и самому семью заводить, и глянулась Ярославу только одна лишь Лада. И ей тоже

приглянулся статный, сильный, умелый вятич. Но и сын предводителя Радмил ей тоже шепнул, что он хочет украсть её и поселить жену в своих просторных хоромах.

Крепко-накрепко закручинилась Лада, не хотелось ей, чтобы Радмил её воровал. А Радмил уже сговорился с её отцом и ему тоже обещал срубить хорошую избу.

Лада сказала своему отцу, что она не желает, чтобы её воровал Радмил. Но он только притопнул ногой на своевольную дочку. Где это видано, чтоб отдать такую красну девицу за охотника, который носит грубую домотканину? А Лада была не только красна лицом, как цветок лазоревый, но и мудрой девицей, какой ещё на свете белом было поискать. Не стала она перечить своему отцу, чтоб не рассердить его пуще прежнего. А сказала ему, что хочет, чтоб жениха ей выбрал главный идол рода - огромный каменный Перун, тот самый, который повелевал молниями огненными и страшным громом, кому вятичи приносили жертвы и кто был самым наиглавнейшим у них. Пораздумал отец, подивился причудам дочери, только как отказать любимице в такой затее и не прогневать идола, он ведь главнее предводителя рода. А как собрались старейшины рода, отец и высказал волю дочери. Пусть каждый жених принесёт жертву идолу, он и покажет тогда сам суженого, с кем судьбу делить прекрасной Ладе. Не было ещё такого у вятичей, чтоб такая строптивая невеста попалась. Но ни Радмил, ни Ярослав не желали её уступать друг другу.

И вот была назначена встреча у идольского камня.

Лада волновалась и потихонечку плакала.

На сердце у неё было беспокойно. А её брат, Сирко, успокаивал сестру - что бы ни было, но Ярослав будет её мужем. Он сам будет помогать ей, чтоб Ярославу препятствий не чинили. И к тому же любимый её молодец - настоящий богатырь, постоять за себя и сам сможет. И теперь нужно быть ко всему внимательными, чтоб не удалось обмануть всех хитрому Радмилу.

Накануне встречи двух женихов гулял Сирко неподалёку от идольского камня. Стоял Перун на открытой поляне на возвышенности, но приближаться к нему никому в одиночку не позволялось. А Сирко отчего-то принесли сюда ноги. И бродил он вокруг опушки, всё раздумывал, как помочь сестре.

И вдруг он увидел, как предводитель рода Болеслав на коне подъехал к избе жреца, что стояла тоже неподалёку от Перуна. Отцепил Болеслав от коня большой узел и потащил его в избу. Был он там недолго, потом вышел вместе со жрецом.

На землю уже спускались сумерки, и предводитель и жрец под их прикрытием пошли на ту высотку, где для жертв были собраны две кучи хвороста. Жрец тащил зачем-то большой кувшин. Он подошёл к одной куче и начал поливать её. Сирко, скрываясь за деревьями, только ахнул, поняв эту хитрость. Предводитель и жрец тихохонько о чём-то говорили. Сирко не мог их услышать, но ему уже было ясно, что они задумали, чтоб жертва Ярослава не сгорела. Когда Болеслав и жрец разошлись, Сирко опрометью бросился к сестре. Он всё рассказал, что видел возле идола.

- Ах, вот что они задумали! Намочили хворост, чтоб не разгорелся! Не бывать тому! - вскрикнула сестра.

И она тут же успокоилась, поверив, что теперь-то ей удастся помочь и Ярославу, и себе.

Утром, когда солнце забралось на небосклон повыше, сошлись вятичи на высотку. Жрец с развевающимися седыми волосами был в длинной тонкой одежде. Радмил стоял рядом с отцом, спокойный и весёлый в предвкушении своей победы. Ярослав, не ведавший о коварном замысле, был тих и спокоен, потому что ему ласково улыбались глаза любимой Лады, которая была в светлом сарафане и с венком на голове.

-Мы собрались сюда, чтоб разрешить спор двух доблестных вятичей, - объявил жрец, подняв руки к идолу. - Они желают взять себе в жёны нашу славную Ладу. Вот теперь сам Перун должен разрешить их спор.

Возложим ему жертвы - Радмила и Ярослава, и станет ясно, чью жертву примет Перун, кто же из двоих суженый Лады. Положим жертвы по две стороны от солнечной тени. Жертва Ярослава будет с этой стороны, где дубы, а Радмила - с той, где берёзы.

-Стойте! - вдруг воскликнула Лада, и все с удивлением смотрели на неё. Женщина не должна была говорить на общем собрании. - Жертвы нужно поменять сторонами.

-У жертвенника могу распоряжаться только я, - вперил злые глаза в Ладу жрец. Девица смотрела на него так, что жрец понял - она откуда-то всё знает. А значит, она может его разоблачить. Этого никак нельзя было допустить.

И жрец быстро нашёлся. Он взглянул на небо и воскликнул:

-Видите, зарождается маленькое облако. - На самом деле небо было чистое и ясное. Но раз говорил жрец, значит так оно и было. - Ещё немного - и нахлынет огромная туча, а из неё пойдёт большая вода. Перун почему-то не желает принимать сегодня жертвы.

Все молчали, не понимая, что же происходит. И тогда вперёд выступил Ярослав. Все видели, какой он могучий, широкий в плечах, правда, их покрывала грубая домотканина.

-Чтобы получить Ладу, нам нужно помериться силой с Радмилом.

Победителю она пусть и достанется.

-Я согласен, - выступил вперёд Радмил. Нет уж, ему никак не хотелось отказываться от красавицы.

-Но поединок нельзя устраивать возле идола, - сказал жрец, - идите на самую широкую лужайку.

И все пошли туда вслед за Радмилом и Ярославом. Последними побрели Лада и Сирко. Девушка снова плакала, а брат её утешал:

-Не плачь, Лада, неужели ты не веришь, что Ярослав — самый сильный? Ты ему поможешь, если будешь верить, что он победит.

-А если не победит?

-Тогда он украдёт тебя, и вы будете жить в лесу.

-Вдвоём плохо.

-Но у вас же ещё родятся дети.

Лада вздыхала и качала головой: от рода нельзя отрываться. Разве можно решиться на такое дело? Их проклянут и отец, и жрец, и

предводитель. Но что же делать, если жизнь без Ярослава была ей не мила? Видно, придётся ей подчиниться участи всех вятичских девиц, которые не спорили с родителями о своих женихах. Неужели она в самом деле не верила, что Ярослав сможет победить?

Оба её жениха были богатырями. Радмил разделся до пояса, тело его лоснилось. Кто-то успел сбегать в избу жреца и принести жир, он и намазался им. Теперь-то трудно было даже ухватиться за него, руки скользили. Ярослав тоже разделся, чтобы нельзя было уцепиться за одежду. Он смело пошёл на Радмила, но тот, как угорь, выскользнул из его рук - хорошо помогал ему жир. Но он тоже не мог ухватиться за Ярослава, ловко тот увёртывался из его рук. Он пытался ему подставить подножку, но богатырь крепко держался на ногах, будто само ярко светящее солнце придавало ему силы.

Трижды схватывались молодцы и отступали друг от друга, примериваясь вновь к бою. Но наконец Ярославу удалось схватить Радмила, приподнять повыше и изо всех сил шмякнуть его о землю.

Соперник оказался поверженным. Он лежал словно бездыханный. И достаточно было нанести ему ещё один удар, чтобы окончательно сразить Радмила. Но Ярослав пожалел соперника, пошёл в сторону. А Радмил в это время очнулся. Он достал из маленького мешочка, который висел у него на поясе, припасённый камень, приподнялся, целясь в Ярослава.

– Ярослав! - крикнул Сирко.

Молодец от неожиданности отпрянул, и камень пролетел у него над головой.

Радмил со злобным стоном снова рухнул на землю. А отец Лады подбежал к Ярославу и сказал:

- Ну, теперь я вижу, что ты - настоящий суженый моей дочки. Богатства у тебя нет, но вы всё сможете нажить.

К свадебному пиру нарядили Ладу в расшитый головной убор, в златотканый налобник с бисером, надели на шею богато украшенную гривну, а на руки - ожерелье из серебряных бусинок. И невеста красотой своей с солнцем спорила. А жених хоть и не разряженный был, зато был собою знатный молодец.

Вот так повеселились вятичи! Три дня пели и плясали вокруг костра. Добрый пир был, и все радовались. Только не было на том пиру одного лишь Радмила.

После свадьбы Ярослав с Сирком срубили бревенчатую избу, и жили в ней молодые счастливее тех, кто жил в теремах. И жизнь у них была слаще мёда и сота. И нажили они себе 12 детей, славных вятичей

Подвиг Ильи Муромца на Орловщине

У речки Смородиновки, у Чёрной Грязи жил да был грозный молодец, Одихмантьев сын, по прозванию Соловей-разбойник. Умел он по звериному рычать, по-соловьиному свистать, да так, что земля у людей под ногами дрожала. Мог он дерево вырвать с корнем из земли, мог неподъёмный булыжник кинуть дальше версты. И никто не мог с ним сравниться силою. Вся семья Одихмантьева на грабительские доходы Соловья-разбойника проживала. А сам хозяин грозный жил вдали от села у большой дороги, где было девять огромнейших дубов. В одном из них он и спал, и караулил свои жертвы.

Никто не мог спокойно миновать эту дорогу ни пешим ходом, ни верхом на конях. И такое место здесь было погибельное, что в чистом поле даже трава-мурава вся пожухла. И цветы здесь извелись, и деревья там и сям валом валялись. Это место у девяти дубов даже птицы стороной облетали. Изо дня в день Соловей-разбойник всё больше страху-ужасу на людей нагонял. Кто не ведал ещё силушки гнилой, тот узнавал её у девяти дубов. Прежде свистом Соловей оглушал людей, чёрным беркутом он выпрыгивал из дупла, отнимал коня, забирал доспехи, одежду. А кто не хотел стерпеть волю разбойничью, того умертвлял.

И хвалился ещё Соловей-разбойник: "Нет измору такого, чтоб меня извести. Пусть любой выходит со мной бой вершить".

И откуда бралась у него такая сила несусветная? Все пугались даже его взгляда, как огни, разгорались глаза у разбойника.

Опечалились-огорюнились все вокруг Чёрной Грязи. Сколько же ждаться и терпеть лиха лихого? Обходили все стороной далёкой те злосчастные дубы, где Соловей сторожил свою добычу. Тут он и пир горой для себя вершил - выпьет чару винную в полтора ведра, залезет в дупло и спит мертвецким сном полтора часа. А проснётся, как вспрыгнет - задрожит земля, да как вскрикнет - всё живое рядом падает, а как свистнет - даже ветер затихает.

Прознали о таком лихе и люди дальние и не решались ездить, в те места мимо речки Смородиновки, мимо Чёрной Грязи, где живёт злой разбойник Соловей, который и в шкуру волчью одевается, и губит добрых людей. Стали дороги, те; зарастать, ведь даже звери по ним перестали ходить.

И прознал о том добрый молодец Илья Муромец, что жывал в пригородном селе Карачарове. Тридцать лет и три года он просидел недвижимым в избе в своём селе, потому, как сильно заболел и ноги у него были парализованы, не мог он даже встать на них. Но тех, кто приходил к нему в гости, он привечал ласковыми словами. Однажды к нему зашли чудные странники, по-доброму поговорили с Ильёй. И понял он, что не простые это прохожие калики, а такие странники, которые могут другим помогать, потому что они всех любят. Они-то и

сказали Илье, что он имеет такую богатырскую силу, которой ни у кого на земле нет. Подивился их словам Илья Муромец, и тут вдруг он налился такой силой, что мог бы и землю-матушку перевернуть. Не смогла бы даже сносить силу ту мать-сыра земля, если бы не уменьшили её чудные странники.

Стал Илья Муромец на Руси великой самым крепким из всех и могучим богатырём, начал Илья помогать по хозяйству отцу и матери. А силой своей только тешился. Он мизинцем на поле выкорчёвывал пеньки-кореньки, землю пахал играючи, сам запрягаясь в плуг.

Много родителям пришлось прежде поскорбеть, когда болен был сын, а теперь они на него не могли нарадоваться. И на старости они обрели покой от трудов.

Только недолго пробыл с родителями сынок. Прознал Илья, что в орловской земле проживает злодей богатырь, что он губит людей и разбойничает.

Поскакал Илья Муромец учинить с Соловьем правый бой. На пути-дороге под Черниговом он разбил вражескую рать, что хотела Чернигов полонить-разорить. Обуздал Илья всех противников и мечом, и копьем, и тяжёлой палицей.

Звали его черниговцы, чтобы он стал в их городе воеводою и правил мудро всеми делами. И ответил им Илья Муромец:

- Как же я буду сиднем сживать, когда неправда ещё на Руси живёт?

И показали черниговцы своему избавителю ту дорогу, которая вела на жестокий разбой, где сидел на дубах Соловей, от крику и посвисту которого земля дрожала и цветы лазоревые осыпались.

И стали уговаривать черниговцы Илью, чтоб не ездил он туда, где погибель живёт:

-Никому пока не сразить Соловья-разбойника.

И отвечал им Илья бесстрашно:

-Коль дана мне эта силушка богатырская, значит должен я спасать людей.

И поехал он прямо к речке Смородиновке, да ко Грязи Чёрной, где Соловей сидел на дубах.

Ещё как только издали приметил его Соловей, так начал свистать. Потемнело вокруг от поганого свиста. Деревья к земле стали клониться, конь под Ильёй начал спотыкаться. Подструнил его Илья плёткой шелковой, сам нацелил лук разрыв-чатый. Дважды выстрелил. Первый раз попал в глаз разбойнику Соловью. Потемнел белый свет для разбойника. А вторая стрела вонзилась в его правую руку, что держалась за ветку.

Шмяк... Упал Соловей. Но была ещё в нем сила крепкая, и никто бы не смог его одолеть. Но Илья подхватил Соловья в руку правую, приторочил его крепко к стремени и сказал Соловью:

-Тут разбою не быть.

И повёз чистым полем конь Ильи двух богатырей - и разбойника, и заступника на суд-казнь к самому князю русскому Владимиру. Увидали

сыновья и дочери Соловьиные, что везёт Илья их отца притороченного крепко к стремени, бросились выручать его:

- Мы того, кто отца схватил, рогатинами забодаем, мечами зарубаем, пусть отец сидит на дубах. Где ж то видано, где ж то слыхано, чтоб разбойничью силу кто-то смог сгубить?

Закружились вокруг коня дети Соловья и давай на Илью рогатины наставляя, мечами махать, чтобы выручить им отца своего. А Илья и рукой, и дубинкой раскидал всех заступников. Те упали на землю, долго встать не могли.

И откуда нахлынула эта сила несметная? И откуда взялся такой богатырь?

Взвеселился народ на Орловщине. Прославляли по сёлам и весям все удалого и храброго богатыря Илью Муромца, который смог всем помочь, освободить землю орловскую от разбойника-губителя.

Вот так радость была здесь невиданная!

ОСАДА КРЕПОСТИ

Шел от Рождества Христова 1565 год. Стояла тихая ясная осень. И ей очень радовались жители Болховской крепости, что стояла на Красной горе, на высоком берегу реки Нугрь. Болховчане только что убрали свои поля. В закромах и клетях у них были запасы пропитания на долгую и холодную зиму. А как удастся перезимовать, там и надежда на новый урожай. А пока приближалось время отдыха. Но вдруг на закате солнца в Волхов прискакал всадник с чёрной вестью, что к крепости приближается тьма-тьмущая - татарская конница. То надвигался хан Девлет-Гирей со своими полчищами. У них тугие луки, сильные мечи и копья.

Поначалу ужас охватил болховчан, но они скрепились. Была у них крепость с кольями из дубовых брёвен и камней в два ряда. И всегда наготове было войско служилых людей, был тайник к реке, чтобы жители крепости в жажду могли бы водицы испить. Значит, крепость нужно защищать до конца.

Вмиг ворота Болхова запахнули, заглушили засовами надёжными. В башни посадили ещё больше сторожей и отправили в караул дозоры. Всем посадским взрослым, у кого не было, стали раздавать оружие. А на площади воеводы-князя призывали людей не страшиться врага, чтобы не стала крепость его добычей раньше времени.

Болховчане начали готовить к обороне камнемёты, самострелы, метательные снаряды.

Вот теперь они решились защищать свой очаг до смерти и были готовы ко всему. Если враг сорвёт воротные полотнища и засовы дубовые и минует укрепления и ворвётся в город, не спастись никому от стрел и

мечей, не будет пощады христианскому люду, не спасётся ни изба, ни княжеский двор. В них не будут помехой запоры и створы. Топорами порубят петли, вышибут и ворота, и калитки.

Не спасётся ни стар ни мал. Посекут, поколят мечами и копьями, разыщут тех, кто спрячется в погреба, под кровлями, протыкают кольями забившихся под избами. Начнут грабёж, ворвавшись в избы и клетки. Набросятся на припасы, враз разграбят город.

Закручинились болховчане, вот так лихо грядёт! Если хан войдёт в город - истребит все животы, в полон уведёт жён и матерей. Бросили жёны куделю прясть. Не стали дети гусей стеречь. Загорюнились девицы - неужто их краса увянет в плену? Опустеют расписные сундуки. Обездолены будут все. Перестали играми забавляться даже дети, что не доросли до осей тележных. И младенцы грудные, будто чуя беду, перестали громко кричать.

А мужья болховские решили защищать город до последней капли крови. Стали они калить колья и стрелы, точить топоры и секиры, сушить копьё, чтоб железными гостинцами встретить самозванных гостей.

- У басурманов тугие луки, сильные мечи и копья, крепкие щиты, а за нами правда, сила Божья и богатырская наша удаль.

И готова была крепость к защите, как один человек, что не спит, не блажит, а свой дом сторожит.

И вот не вдруг, не враз, налетела туча тёмная, подошло к городу басурманское войско. На арбах доверху нагружены были у них щиты, копья и стрелы. Спешились с коней басурманы, разнуздали лошадей. У реки отпаивались чистой водицей. Сгрузили с повозных коней мешки муки и крупы. Вытащили заступы, топоры, начали устраивать кибитки, палатки. Не на днёвку пришли большой ратью. Коль не получится боя, готовились к крепкой осаде, многодневный привал разбивали, чтоб взять Болховскую крепость измором, чтоб город в осаде изнемог. А им-то самим будет отдых. В шатрах они весь век живут и хворей не знают.

Поначалу раскинули ханский шатёр, выставили караулы. Вышел хан, огляделся, долго-долго смотрел на крепость.

- Кабы больше присылал бы мне русский царь подарков, можь и сговорились бы с ним. А он всё бережёт свою казну, не хочет покупать себе мир. Пусть теперь заплатит мне дорого. Если я возьму здесь тысячу пленных, то смогу хорошо их продать.

А ханские прислужники поддакивали Девлет-Гирею:

-Ты, повелитель, самый сильный, ты всех победишь. Много мы на своём пути пожгли, порушили, и Волхов возьмём, осадим со всех сторон, куда ему деваться. Мужчин поубиваем, женщин в полон уведём, а Волхов с земли сметём.

-Всё так и будет, - провещал хан, - ежели подмога им не нагрянет.

Не устоит город перед нашей силой и властью.

Стали лихие наездники к отдыху готовиться и ко времени дележа добычи, когда в их войске обиженными никто не останется. А пока они

разжигали привезённым кизяком костры. В медных котлах *варили* свежую конину и сушеную баранину, мучные кисели и лапшу.

А сторожа ханские, как перед облавной охотой, наблюдали за обезлюдевшими улицами крепости. А как поели всё, то, усталые после большого пути, все татарские воины спать легли на земле. Отдыхали и их разнузданные кони, пили водицу и щипали траву. После отдыха все должны были быть готовы к захвату крепости. А в своём шатре на матрасе, покрытом ковром, лежал хан и размысливал думу крепкую - как ловчее передвинуть на русских свои рати.

А в самой крепости никто не мог сомкнуть глаз. Вот беда нагрянула неминуемая! Как же её переизбыть, как же всем спастись?

Все надеялись на Божью помощь и на своих вождей. В княжеском тереме шёл военный совет.

- Не дать поганым ступить на нашу землю! - сказал воевода князь Иван Золотой. Был он муж крепкий в бранях, не склонялась перед врагом его златовласая голова. А глаза его блестели так, что видно было - готов он был положить живот свой на поле брани, лишь бы поганые не вступили в посад.

- Надо пробраться в стан к врагу.

В подмогу князю вызвался воевода Василий Кашин. Вместе Иван и Василий дружили, вместе охотились, силой мерились. Друг другу во всём помогали и друг перед другом похвалялись, у кого двор просторнее, у кого конь быстрее. А теперь надобно было им совместную службу нести, общую помощь делать, спасти свой город.

И сказал твердо Иван Золотой:

- Надобно нам насмерть стоять, ждать царских воевод, Вельского и Мстиславского, послан за ними гонец. Будет подмога, и мы город спасём, защитим жён и детей. Вот только бы нам продержаться и все хитрости ханские выведать. Как нам всем устоять?

Думали-рядили болховчане и решились на трудное дело. Как только ночь спустится на город, самые крепкие и самые смелые болховские мужи сделают вылазку во вражий стан. А кто самый смелый в Волхове? Вестимо, Иван Золотой и Василий Кашин. Попрощались сии мужи со своими семьями.

- Быть того не может, чтобы русские воины оказались слабее басурманских. Когда мы держимся друг за друга, справно всё устраивается. У нас вера правая, мы победим, - низко-низко поклонился до земли, прощаясь с болховчанами, Иван Золотой.

И Василий Кашин тоже ему вторил:

- Мы свою землю защищаем, оттого мы сильнее и правее врагов.

Взяли воеводы топоры с лезвием в полторы четверти с низкой опущенной бородкой и ножи с блестящей медной насечкой и отправились к тому месту, где был потайной лаз из крепости. И стали ждать темноты, чтобы выбраться через лаз в стан врага.

Как только ночь опустилась на стены города, отправились воеводы во

вражеский стан. Ещё на охоте они привыкли к бесшумному передвижению. Глаз у них был зоркий в любой темени, а слух востр для любой тиши.

А ночь выдалась такая тёмная, что на небе не виделось ни одной звёздочки.

Как выбрались воеводы из крепости, то стали пробираться к самому тихому месту в татарском стане. Там тихонько посапывали лошади, не было костров и лошадиной стоянки, трое татар спокойно спали, лёжа на земле, без опаски, видно, понадеясь на крепкую защиту.

Князя подползли и оглоушили татар дубинками, связали их и засунули им кляпы в рот. Вскинули тела татар на плечи. Иван Золотой тащил двух пленников, а Василий Кашин - одного, но большого. У самой крепости пленников тащили волоком. А тут и подмога им пришла. Затащили пленников в лаз, приволокли на ближайший двор, окатили из бадьи водой, подступились с допросом.

-Что замыслил хан сделать с городом?

Испугались татары, что пришёл их смертный час. Самому хану не спасти их теперь. У русских хитрости мало, но отваги много. Да если бы хан и спас их теперь, был бы разгневан за то, что оказались они в плену.

И заговорили пленные татары, а переводчик нашёлся, один болховчанин, который сам когда-то был в плену у татар, да выкупили его родные.

-Замыслил хан уничтожить ваш город полностью, оставить на его месте одно лишь пепелище. Решил он предать его огню.

-Как же он задумал сие устроить?

Будет посылать он стрелы с огнём на ваши соломенные крыши с наветренной стороны. А как только будет пожар, начнётся паника.

И сожжёт город дотла. Мужчин поубивает, а женщин в плен возьмёт.

- Не бывать этому! - в один голос воскликнули воеводы.

Дали всему городу наказ крепчайший, не для смерти, а для жизни. Туда, где ветер дует, выставлять караулы. Днём и ночью сторожить крыши. У каждого двора поставить бадью с водой, а если можно, то и колодцы вырыть. Если долетит стрела, запылает солома, сбивать пламя, чтоб не пылали кровли. Не дать ходу огню, чтоб не выгорел город. И на защиту его стать и ратникам, и горожанам. Иначе не миновать огненной беды, полона и гибели.

Несколько дней и ночей дежурили болховчане.

Посылали татары стрелы, загорались крыши. И тут же горожане пожар тушили.

Злился хан в своём шатре, но ничего не мог поделать. К нему в шатёр приходили советники, его приближённые, разводили руками - что за город, не подступишься к нему, не возьмешь ни силой, ни хитростью.

А тут гонцы явились с угрожающей вестью. Рать большая идёт на

подмогу Волхову. Будет сеча жаркая и может погибнуть много татар.

Стали они спешно собираться и ночью отошли от Болхова, чтобы не было за ними погони и чтобы болховчане и русские ратники не смогли бы зажечь степь и в дыму не задохнулись бы кони и люди.

Так и не удалось татарам окропить улицы Волхова свежей кровью. И когда утром жители Волхова не увидали у своих стен поганых, вот была радость, вот было ликование! Веселились стар и мал и величали своих храбрых воевод.

Судбищенская БИТВА

Есть на Орловщине село Судбищи. Невиданный доселе бой произошёл здесь с татарами у русских воинов в 1555 году. Хитростью хотел татарский хан Девлет-Гирей захватить здешние земли, пограбить их и обогатиться русскими пленниками. Распустил хан слух, что он хочет пойти из Крыма на Кавказ. А сам, не дойдя до Азова, повернул войска на север, к границам России. И радовался уже втайне: вот так нападение будет неожиданным для русских! Тогда-то он сможет разбить их войско, испугав внезапностью и своей силой.

А русский царь Иван Грозный прознал про эту ханскую хитрость и на защиту Русской земли послал прежде всего тринадцать тысяч храбрых воинов. А во главе войска поставил славного русского богатыря боярина Ивана Васильевича Шереметева. Был он полным тёзкой царя Ивана Васильевича Грозного и родственником жены царя Анастасии. С татарами он бился во многих сражениях отчаянно. В честь него на Руси крепость была названа - Иван-город. С конным отрядом устраивал он погоню, отбирал русских пленных и всегда приносил победу русскому войску. Снарядилось войско Шереметева в доспехи, оседлали коней. Неужто всем сиднем сидеть, когда враг идёт на землю Русскую? Не на Кабарду он шёл, а уже миновал тульские окраины. От Изюмского кургана запыллил к Ливнам.

Под Ливнами русичи пересекли Быструю Сосну. Шли они по еловому лесу тёмному, опутанному зелёным мхом, пробирались они по болотным топям. Дружина добрая, в богатырских делах искусная. Передовой полк возглавляли такие знатные витязи, как Алексей Басманов и Бахтеяр Зюзин, сторожевой полк вели Дмитрий Плещеев и Степан Сидоров.

А на подмогу богатырям вдогонку из Коломны направил царь войско с командиром князем Мстиславским, так что можно было крепко зажать хана между двумя русскими войсками. Только иные из воинов упреждали Ивана Шереметева:

- Силён и хитёр Девлет и числом нас превосходит.

Отвечал Иван, сверкая глазами:

- Хитра лисица, а и она в силки попадается.

Да разве хилы наши богатыри?

А ночью на привале Иван задумчиво глядел на звёздное небо и думу думал главную: силой несметной идёт поганый, не боится заслонов ради добычи. Обращался Иван к высокому небу, чтобы вразумило оно его, как остановить татар. Чужал Иван, что битва с ними предстоит смертная, хотя не ведал ещё, что прознал хан, перехватив русских гонцов, что его хотят зажать между войсками

Торопился он свою западню придумать. Представилось Ивану войско вражеское нечестивым драконом. Как отрубить ему голову, когда на месте её другие появляются? А вот хвост, пожалуй, отрубить удастся. Такая мысль пришла к Ивану. Известно же, что в хвосте ханского войска тянулся обоз. И без него войско будет, как без хвоста.

Созвал Шереметев своих командиров и задачу стал перед ними ставить дерзкую:

- Расчленим поганых - легче нам будет справиться с другими войсками. Враг не ожидает погони, всё сказки нам о Кабарде рассказывает. Захват обоза доверяю храбрым головам Ширею Кобякову и Григорию Жёлобову и даю вам шесть тысяч воинов. С Богом!

Отряд помчался в погоню, не развёртывая знамён. Не жалели они коней, чтоб не упустить врага. Словно туча налетела из лоцины русская конница на татарский обоз. Дотемна продолжался бой. Обильно была полита трава и русской, и татарской кровью. Тела убитых были разбросаны по всему полю. Татары бились на смерть, зная точно, что не уйти им живыми от русичей. Наши витязи до смерти решили защищать свою землю от поганых.

Разбили русичи татар и захватили ту добычу, которую награбили себе татары во многих землях. В Рязань, Мценск победители отправили 60 тысяч лошадей, 200 лошадей азиатских - рослых аргамаков, 80 верблюдов.

Хвост у дракона был отрублен, но ядовитые головы ещё могли приносить беды и смерть. Вот придёт на помощь царское войско, не устоять тогда нипочём поганым.

А войско Ивана Шереметева уже притомилось в пути-дороге. Вдосталь бы выспаться, свежей водицей опиться бы.

- Попадёт враг в западню, после и отдохнём.

Всё должно быть, как замыслили русичи. Только и у татар уши острые оказались, прознали они о той ловушке, которую замыслили для них русичи, спешно повернули назад. А у села Судбищи состоялась роковая встреча.

Только выехали на поле русичи, как неожиданно-негаданно показался отряд врага, а за ним вся его конница, так что казалось, что земля дрожала под ногами тысяч лошадей.

Масса врага надвигалась, как туча, развернулась во всю ширь поля. Войско было, насколько хватало глаз, в строгом порядке, поделённое на корпуса с караулами впереди. Мелко перебирали ногами вражеские кони,

готовые ринуться вперёд. А из тёмного бора всё выходили и выходили конские отборные орды. Кони у них ярые, бешеные, скуластые лица татар горят злобою, глаза их налиты кровью. Из колчанов торчало оперенье их стрел. На две сотни шагов пробивали они панцирь. Сами татары были упрятаны в тёмное железо. Трудно сломить эту кованую рать, шедшую строем плотным и широким.

Сам хан восседал на белом боевом коне, скуластое лицо его кривилось, будто он напился настоя горькой полыни.

А навстречу татарам неустрашимо горели глаза русичей из-под сверкающих шлемов. И на древке уже трепетал их боевой знак.

Понял Шереметев, что ждёт злая сеча, не короткая, но кровавая, и биться придётся до последнего вздоха. Не было возможности выбрать место, правильно расположить войска, полки. Не было лучшего отряда в засаде.

Битва будет такая, какую шереметевцам ещё не доводилось испытать. Семь тысяч только в войске бойцов. На каждого воина почти по десятку татар. Ещё есть возможность повернуть русичам вспять. Татары, скорее всего, не решились бы бежать за ними.

Но воскликнул Иван зычным голосом:

- Мы не сами выбрали злую долю. Враг настывизвал на смертный бой. А тут мы должны сделать ему заслон. Покажем, какие на Руси возродились богатыри. Кому смерть в бою писана, пусть умрёт в бою героем. А нам надобно, чтоб орлы наши нажрались татарской падалью.

Говорили воеводы Шереметеву, чтоб в бою он осторожничал:

- Негоже командиру свою голову под смерть подставлять. Кабы целому войску без головы не остаться.

Но воскликнул лихо главный храбрый воин:

- А коли мои воины будут видеть, что их командир жизни не жалеет, не побегут они с поля боя! Надобно нам сломать вражий передовой полк. Постоим, други, за Русскую землю. То ли будет здесь поле вашей победы, то ли холм-могилище.

Лишь поднял воевода руку с мечом, заиграли трубачи. Забили вражеские раскрашенные бубны и барабаны.

- Ну, - тихонько сказал Иван, - братство-воинство моё, пойдём кровь проливать. Меч вернее щита.

А для хана татары уже соорудили в стороне от войска шатёр и поставили вокруг него охрану. Будет бой ему виден сверху.

Началась битва криками рати. Ринулась вперёд масса вражеской конницы. Кони без разбега бросились на полный размах. Стук копыт конной лавы был страшнее самой жуткой грозы. Полетел град стрел. Из щитов выбивались искры. Всё поле захлестнули шум сражения, гортанные крики, яростный вой.

Иван Шереметев, ворвавшись в гущу врага, своей саблей бил без промаха. А вокруг него бились храбрые сподвижники, разгоралась злая сеча, неустанное побоище. Конь мчался на коня, воин на врага,

сбивались кучи всадников. Неустанно летели стрелы с тугих тетив, без роздыху гуляли тяжёлые мечи и топоры. Дробно гудели кистени, ловко стучали секиры, щиты разлетались в щепки, шлемы - вдребезги. Водопад стрел всё усиливался.

Коль убивали коня, воины пересаживались на другого, у которого только что убили всадника. Но коль не было коня, пешими отбивались, рубили ноги вражеским коням. Важно было пошатнуть ряды и вперёд прорваться. Но русичи упорно держали свой строй, хоть татары их давили числом. Раненые стонали и орали, кони сопели и ржали, топтали раненых, чтобы только рвануться в прорыв. Но русичи дрались не отступая, нещадно работали мечами, секирами. И рубился в рядах смелый воин Иван Шереметев, стиснув рукоять меча, бил без промаха, разрубал врага до седла. И к тому же он верно правил боем, орлиный взор его всё замечал. Посылал он сподвижников, чтоб обрушили конницу там, где был разрыв между центром и флангом. Коль увидит командир, кому тяжело от врагов, он туда пробивается, увлекая за собой сотоварищей. Ведь за шумом сражения, за яростным воем не слышно было команд.

А сеча всё разгоралась и разгоралась. Железо мечей спорило с железом доспехов. Лишь бы достать лицо под шлемами, шею под латами. Лишь бы лезвия сабель не затупились да из рук их не выбили бы. А коль нельзя подобрать упавшее оружие, можно нож достать или меч из-за голенища сапога.

Боевые крики сменялись стонами, и текла кровь в реку Любовшу.

Хан сидел у шатра на мягкой подушке, наконец, гневно нарушил безмолвие:

- Отчего же не удаётся опрокинуть этих русичей, их же вроде меньше, чем нас?

Янычар склонился в поклоне:

- Повелитель, они погибнут все.

Снова хан наблюдал за боем молча. Только вдруг он вскочил с ханской подушки, когда увидел, что наконец сломлен его передовой полк, а знамя отнято у ширинских князей.

С яростью и злобою завопил хан на своих приближённых:

- Мне ль такой позор терпеть от русских вояк! Порубить их всех, уничтожить! Словить самого Шереметева! Мы же войско несметное, а у них где-то есть засада, иначе бы они давно убежали от нас.

- Повелитель, мы замучаем пленника, и он нам расскажет всё!

- Бросить аркан! Притащить его! Что такое? То ли дымка застилает солнце, то ли слепнут мои глаза...

- Глаза повелителя устали от этого зрелища.

- Этих русских будто держит сама земля!

Рать гудела весь день без продыху. И приползла ночь. Как накрыла тьма-тьмущая, не поймёшь, где враг, где свой.

Полегли на земле для короткой передышки и татары, и русские. В

ханский шатёр, где устроился хан на матрасе, покрытом ковром, зашёл главный мурза доложить:

-Повелитель, пленник счас не выдержал мук и сказал, что нет у русских отряда в засаде.

-Он не мог обмануть?

-Нет, по его глазам было видно, он боится мучений, мы выбрали именно такого, чтоб всё разузнать.

-Ну, в награду подарите ему тогда легкую смерть.

А Иван Шереметев, лёжа на земле рядом со своими воеводами, обратил свой взор снова к небу высокому. Ночь беззвёздная защитным покровом укрыла витязей.

И молил Иван:

-Господи, помоги нам устоять перед врагом.

Сон у Ивана был короток, но глубок. Приснилась ему злая сеча с татарами. Бьётся он всё без роздыху и вот-вот может упасть. Вдруг земля под ним расступается, проседает... И вот он уже по пояс в сырой земле. А татарское войско глубокая темь накрыла, и не могло оно вырваться из этой тьмы.

Открыл глаза Иван - уже рассвет занимался. Первые солнечные лучи осветили кучи мёртвых тел, трупы коней. Сколько побили врагов - неведомо, сколько потеряли своих - считать недосуг.

За ночь кровь уже в ранах запеклась, снова надо рубить вражью силу с края на край. Да куда же ещё топтать поле, если оно доплотно всё утоптанно?

Но ведь войско нечестивое снова готово к битве, стрелы их уже на тетиве.

И опять Иван обратился к воинству:

- Сотоварищи мои дорогие, нам нельзя бежать от земли своей. Так положим свои жизни за Отечество, как положили её уже вчера наши братья.

Хан в своём шатре сердито отдавал приказы мурзе:

- Если у русских нет запасного полка, если мало их, почему же они ещё не разбиты? Бросить все мои полки в наступление! Напустить на русских стрелы и огонь! Слышали ли вы, что сказал их пленник? Ждут они подмогу с часу на час. Мы сегодня должны победить их.

Снова двинули и татары, и русичи свои рати навстречу. Снова пешие, снова конные свились в жуткий клубок. Из него лишь подкошенные ратники падали в траву. Вновь над полем вырос лес сабель, загудела, задрожала земля. А за битвой неслыханной с разных сторон наблюдало жаркое солнце. Христианские души здесь, как свечи, сгорали, а татарские, как чёрная смола, чадили.

Снова битва всё сильнее разворачивалась. Ратники отбивались копьями, дрались саблями, снова крик перешёл в яростный вой, и за шумом сражения не слышно было стука копыт.

И взревел хан у своего шатра:

- Бросить всех, что есть, воинов моих и разбить войско крепкое и упрямое!

Но и к русским пришла подмога. Посылал Шереметев ночью гонца, чтоб привёл тех воинов, что ушли с обозом. Но полтысячи вернулось всего лишь бойцов.

Снова бой гудел, опять татары ярились, а русичи крепились. Хан глядел на битву и вопил от гнева:

- Почему русских ещё не разбили? Когда же будем праздновать победу? Их же мало, а нас тьма! Жив ли их командир?

- Жив пока Шереметев и крепко бьётся.

Ярость боя застилала глаза Шереметеву, но он видел всё же: солнце ещё высоко, воины его отчаянно рубят татар.

И насели татары на Ивана с трёх сторон, окружили и его сподвижников. Ловко раскидал татар Шереметев, но один изловчился и вонзил ему копьё в грудь, а другой воткнул меч в его коня. Раненый зверь встал на дыбы, скинул всадника, саданул упавшего Шереметева копытом.

Вмиг по русскому строю пронеслось: "Командир упал!"

Дрогнули ряды русичей. Их осталось всего-то две тысячи. Теперь нужно только бежать.

Но навстречу бегущим русичам кинулись воеводы Алексей Басманов и Степан Сидоров. Затрубили они в горны, забили в барабаны.

-Собирайтесь, русские воины, на гору, отнесём туда раненого командира, мы будем командовать боем теперь!

-Как же нам спастись, мы все теперь погибнем!

-Забирайтесь на гору, тащите туда Шереметева! - кричали Басманов и Сидоров. - Всем рубить засеку! Деревья не рубить, а подсекать, верхушки клонить в сторону врага, а по пням не пройдет к нам их конница. На вершине закроют нас и река, и ручей, и топи. Командира нести в обоз, в лес. Всем на гору, для нас это будет крепость.

Хан уже не садился на подушку, а бегал возле шатра и топал ногами:

-Разве русские не убежали, разве нельзя их добить?

-Повелитель, наши пушки и пищали застряли в рытвинах и ямах. От их стрел и камней уже погибло несколько наших знаменитых мурз, уже пали тысячи простых воинов. Эти русские неустрашимы, мы не можем их здесь победить. Их ратники разят на все стороны.

-Но ведь уже закат солнца! Подмога может прийти к ним ночью, надо нам бежать, пока ещё светло, собирайте шатёр, мы уходим. Мчимся обратно, до Ливен. До ночи нам надо переправиться через реку Сосну и бежать в степь.

Загудели татарские бубны, собирая войско в спешный поход. Ещё не успели русичи понять, в чём дело, как земля жалобно застонала от бешеного галопа убегающей татарской конницы. Русские воины смотрели

им вслед с горы.

-Мы победили!

-Татары от нас убежали!

-Слава Богу! Слава нашим храбрым командирам! Слава Шереметеву!
Слава Басманову! Слава Сидорову! Слава всему русскому
воинству! Мы победили несметное полчище татар!

Радостные победные крики плыли вдоль реки Любовши. Радостно сияло закатное солнце.

- Ну что ж, пришло время хоронить с почестями наших бойцов. Они отдали свою жизнь за Отечество, а мы ещё будем в нём жить, - сказал Басманов со слезами на глазах. - Слава русским богатырям.